

Париж. День третий, ч. 6

Путь от церкви Сен-Мери к церкви Сен-Эташ проходит через сквер Невинных со знаменитым фонтаном Гужона, который так и называется - дез'Инносан, фонтан Невинных. Но сначала нам неожиданно открылась перспектива, которую замыкает башня Сен-Жак – здесь все близко:

Фонтан раньше стоял на углу ул. Сен-Дени и Берже. А там, где он сейчас, было кладбище, упраздненное в 1786 г. (захоронения перенесли в катакомбы).

Фонтан представляет собой античный павильон, украшенный рельефами с изображениями нимф, тритонов и наяд.

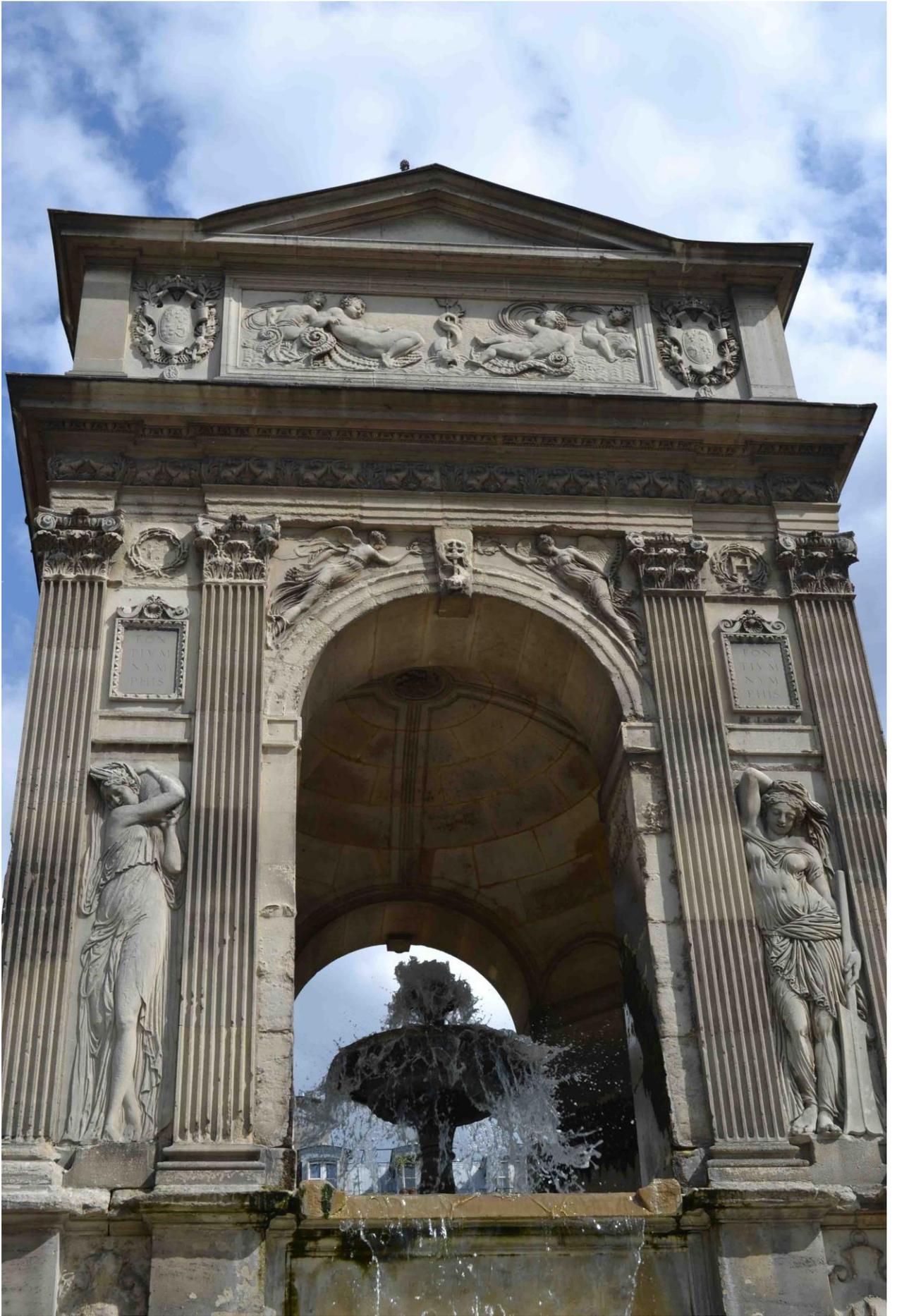

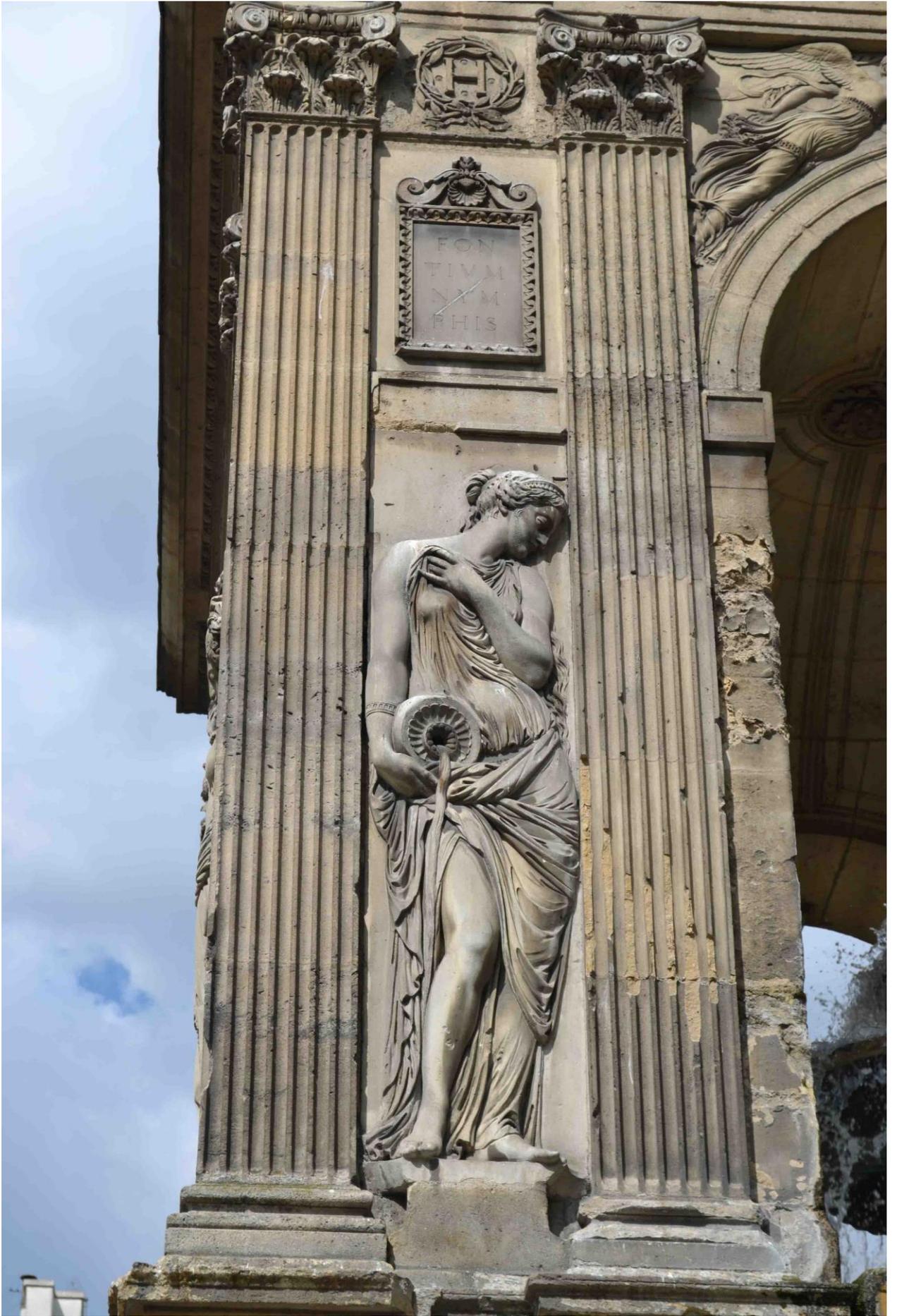
Его создала уже знакомая нам пара – Леско и Гужон. Напомню, что с их работами мы познакомились на примере фасада Лувра и в отеле Карнавале, а статую Дианы-охотницы Гужона в античном отделе Лувра сначала приняли за греческую. Что неудивительно, т.к. «творчество Жана Гужона (1510—1570) представляет собой яркое воплощение духа античности».

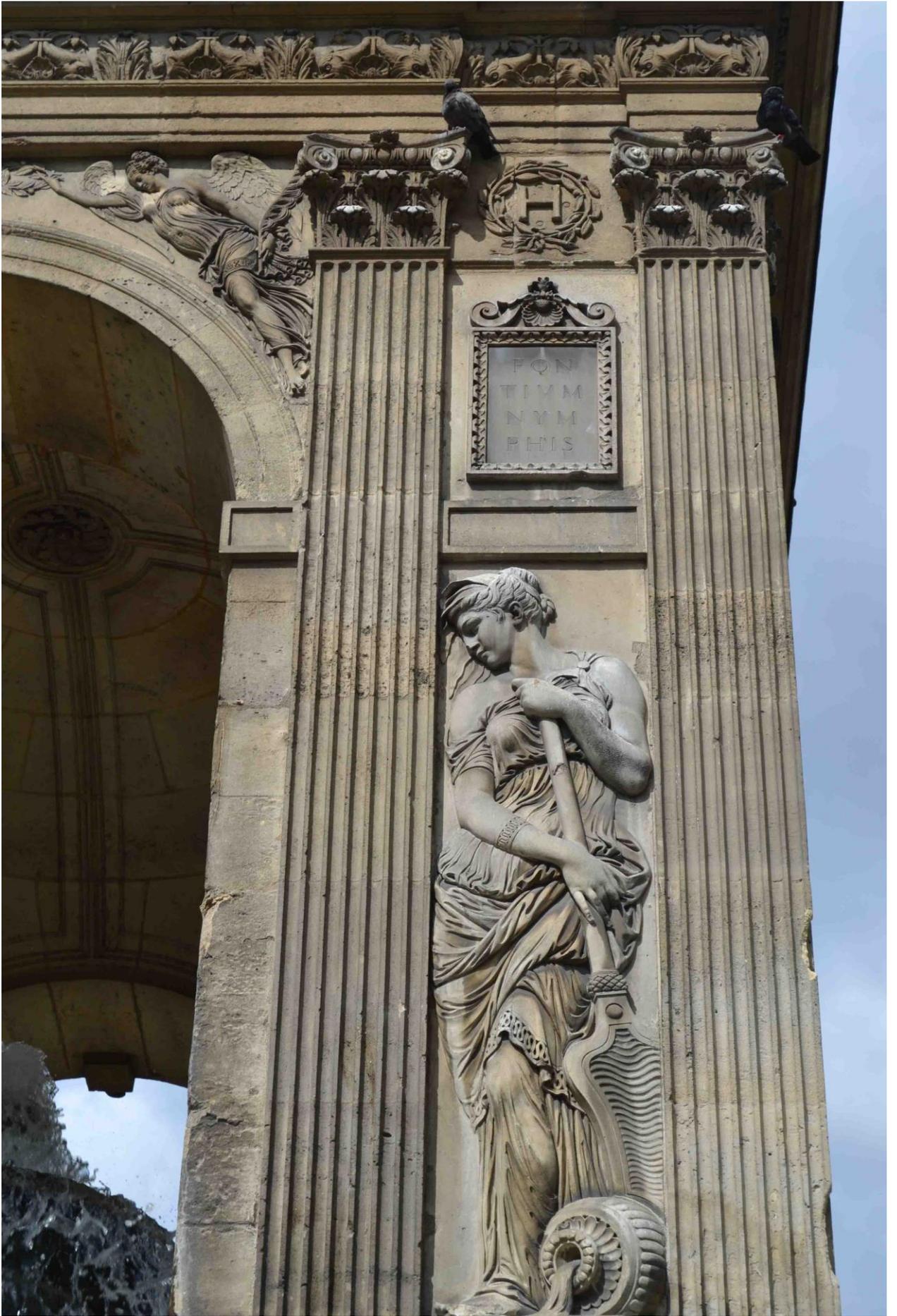
Справка. К. Верман: «Гужон – величайший из великих скульпторов. Однако его удлиненные, переутонченные фигуры, его красивые, но общие линии, его преизысканные, утонченно мелкие складки одежд ставят его... рядом с маньеристами». Хотя ему свойственны «чисто французские добродетели – выражение тонкой, одухотворенной прелести особенно его женских голов и несомненное изящество, которое он умеет придать даже резким движениям».

Между 1547 и 1549 гг. он выполнил свои гениальные барельефы на фонтане дез'Инносан; стройные, стоящих между пилястрами нимф источников, несмотря на свою манерность, обвеянных несказанным очарованием... Изысканная пластика этих рельефов заставляет вспомнить искусство Греции века Перикла».

Между тем зияющий голыми камнями цоколь фонтана кажется каким-то недоделанным – это потому что «рельефы цоколя, поэтично воссоздающие жизнь баснословных морских обитателей», зачем-то сняты и хранятся в Лувре.

Повторю, что Гужон – в числе создателей французского изысканного стиля, его почерк легко узнаваем даже в чужих произведениях – во множестве рельефов, украшающих дворцы и церкви. Стоит вспомнить, что время его творчества - XVI в. – это период борьбы между готикой и ренессансом. Хотя точнее было бы определить этот процесс как плавное перетекание первого во второе. Выбор тем для изображений, бесспорно, революционен, а пластика – несколько манерная, как пишет Верман, совершенно очевидно является развитием пресловутого «готического изгиба» позднеготических мадонн.

А общее впечатление – это Париж!

Наш маршрут закончился форсированием площади, на которой когда-то было «чрево Парижа», потом какой-то современный форум Ле-Аль, торгово-развлекательный многоуровневый молодежный центр, ныне заменяемый совсем уж чем-то ультра-хайтековским с висящей в воздухе сборной металлической крышей, которая будет готова к 2014 году, а пока накрывает собой титаническую то ли помойку, то ли строительную площадку.

Этим можно было бы и ограничиться, если не знать: еще Филипп-Август построил на этой окраине два странных здания под названием Лез Аль, в которые перевел ярмарку, до того бывшую под стенами лепрозория Сен-Лазар, а кладбище отгородил от нее

высокой стеной с галереями. К середине XIX в. рынок стал аналогом нашей Хитровки – средоточием антисанитарии и преступности. Наполеон III пытался придать ему цивилизованные формы: под впечатлением Восточного вокзала, созданного Виктором Бальтаром, заказал ему построить помещения из железа. Бальтар соорудил некое странно-прекрасное здание, впоследствии многократно скопированное в разных странах (подозреваю, что и при строительстве московских торговых рядов – нашего ГУМа): металлическую конструкцию, прикрывшую улицы лотков со световыми проемами, слуховыми окнами, перегородками, стеклянными эркерами, просторными погребями и подвалами. Все были в восторге. В 1969 г. рынок перевели в пригородный Ранжис, из павильонов Бальтара уцелел лишь один, перенесенный в Ножан-Сюр-Мар. А форму Ле-Аль еще недавно путеводители считали самым уродливым произведением парижской архитектуры и рекомендовали проходить мимо, зажмурившись. Теперь вот что-то с этим делают...

Рядом – здание Торговой биржи, бывшего ранее зернохранилищем Парижского центрального рынка, купол которого из стекла и металла надстроен в период расцвета рынка – аж в 1811 г. (если только это не ошибка в путеводителе. Более вероятно, что все-таки в 1911 г.). Внутри сохранились колонны Суассонского дворца Карла Бурбонского (интересно, как они туда попали?)

А когда-то здесь стоял Нельский дворец – запасная площадка для членов королевской семьи (Бланш Кастильская, герцог Орлеанский, Екатерина Медичи...).

На краю площади, за Биржей, мы и обнаружили церковь Сан-Эташ (по-русски говоря – святого Евстахия, где-то рядом должна быть и святого Фаллопия).

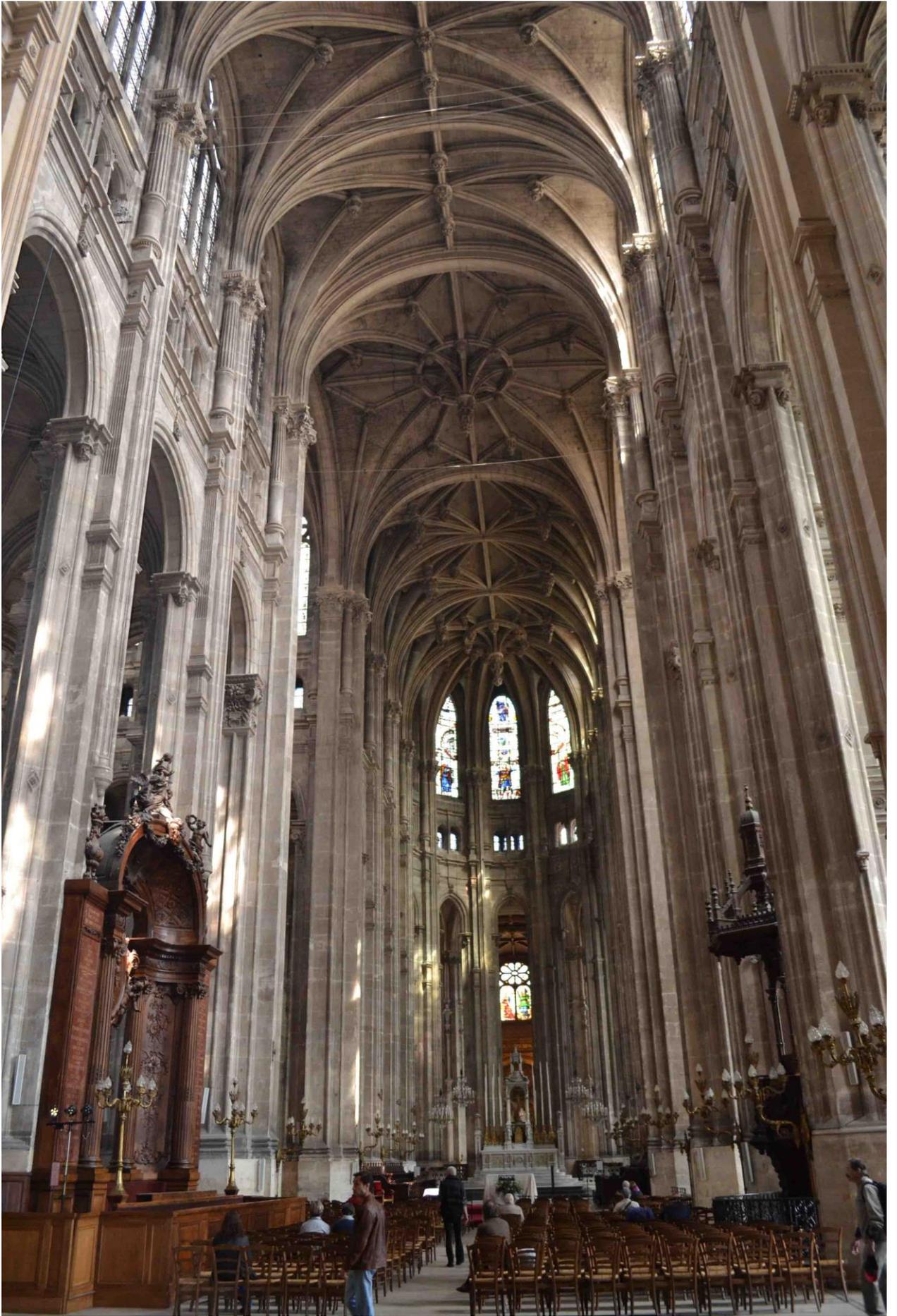
Эта церковь, построенная после 1532 г., не из серии позднеготических, а из другой – переходных между готикой и ренессансом, к которой относится также Сен-Этьен-дю-Мон (ее мы осмотрели в первый день). Это «две главные церкви, целиком выражающие французский ранний ренессанс». «Сен-Эташ является самой красивой и самой поучительной из французских церквей, носящих характер компромисса». Она «...рисуетя в воздухе с редкой цельностью, ясностью и величием».

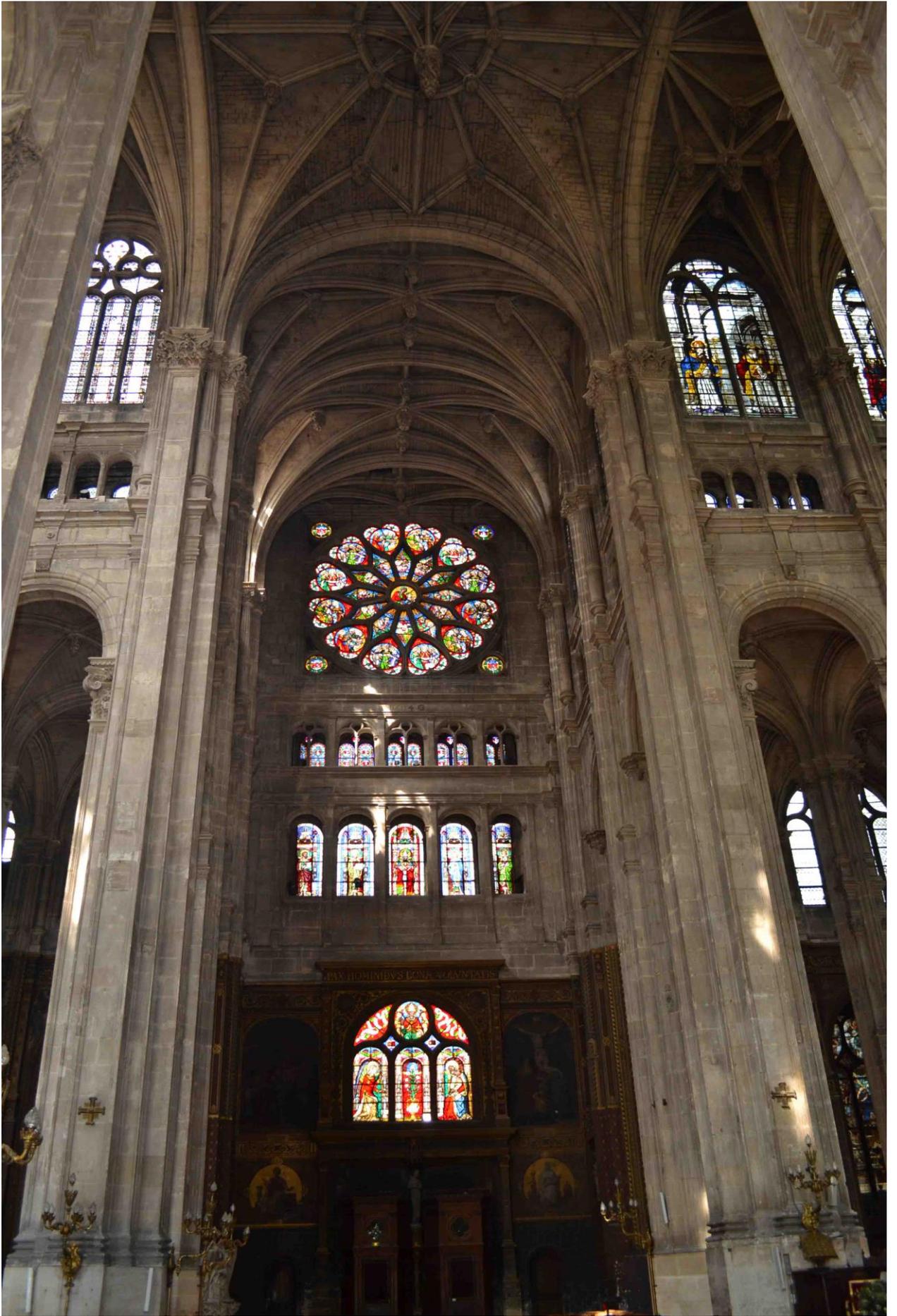

Только фасад, приделанный в XVIII в. Жаном д'Ардуэн Мансаром де Жуи подкачал К. Верман считает его довольно тяжеловесным, а я к тому же - идущим церкви, как корове седло:

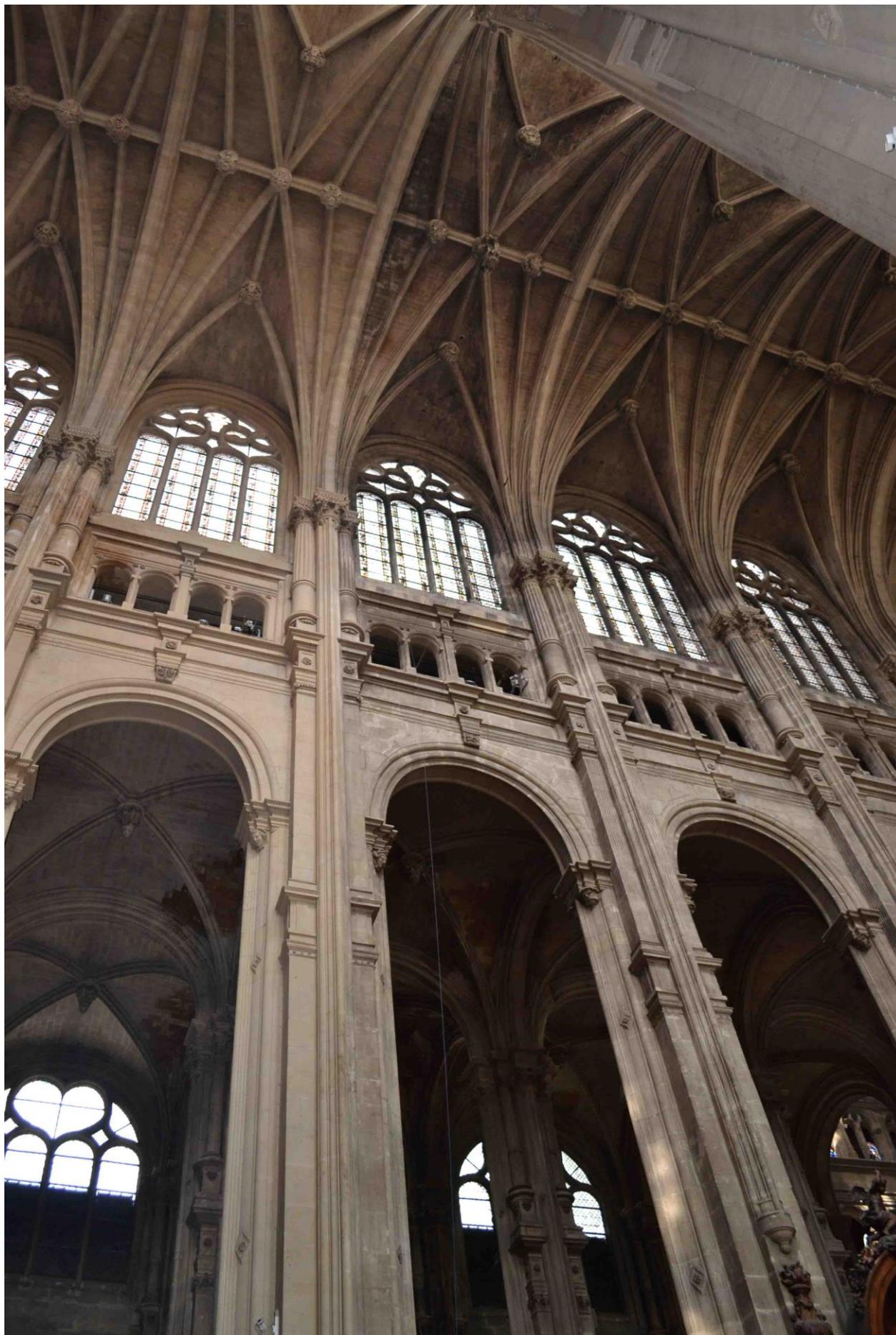

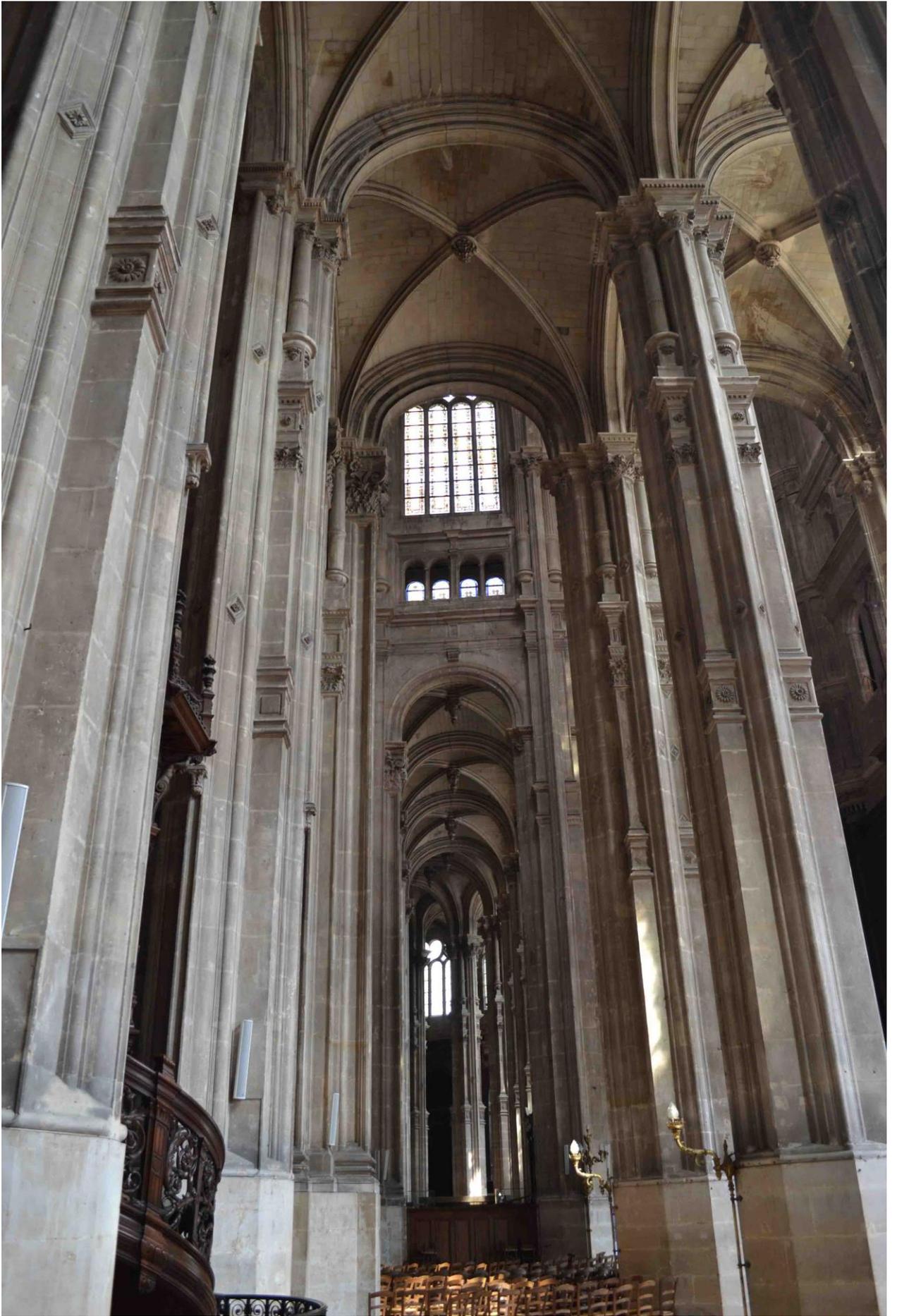
«Характер постройки сплошь готический,

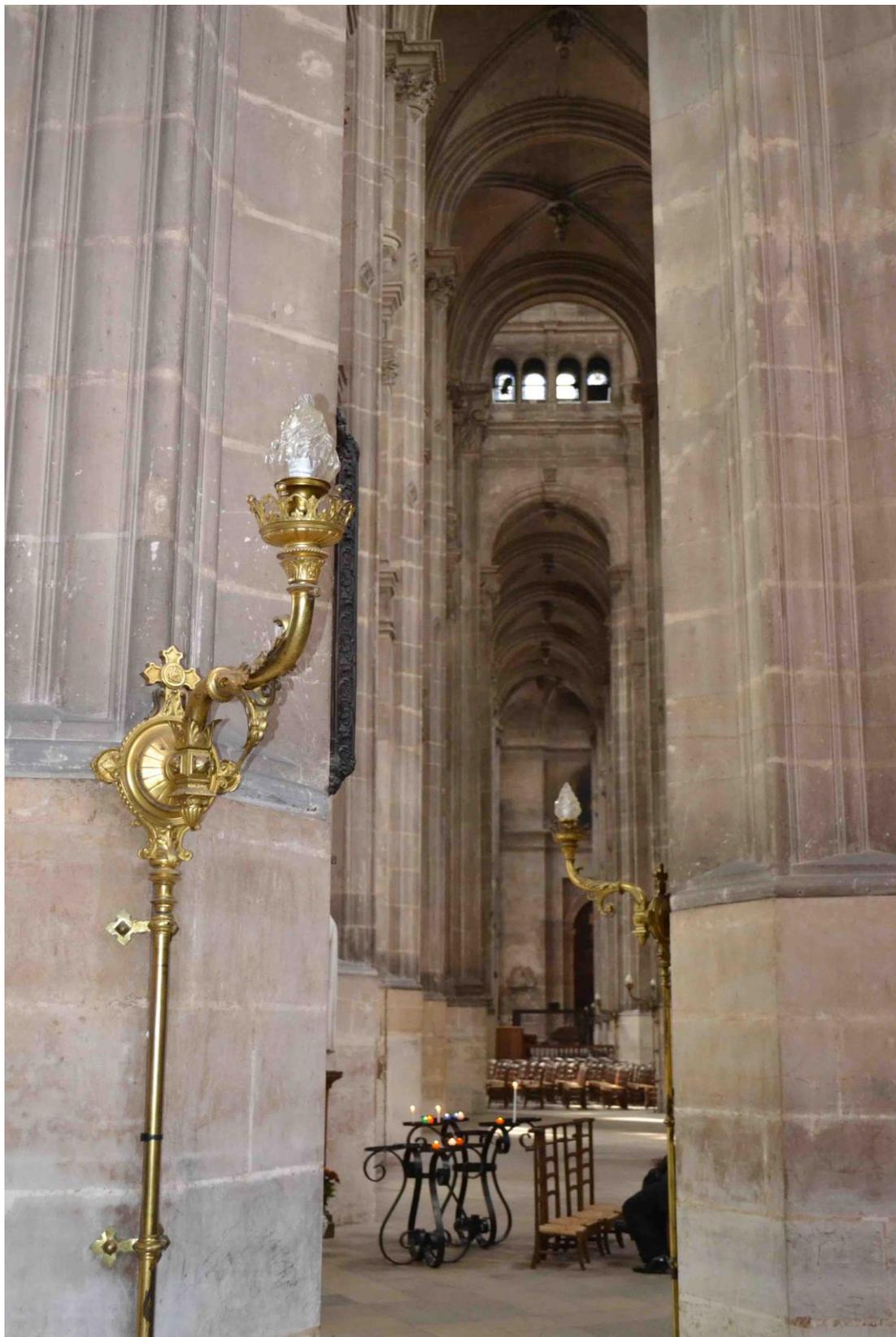

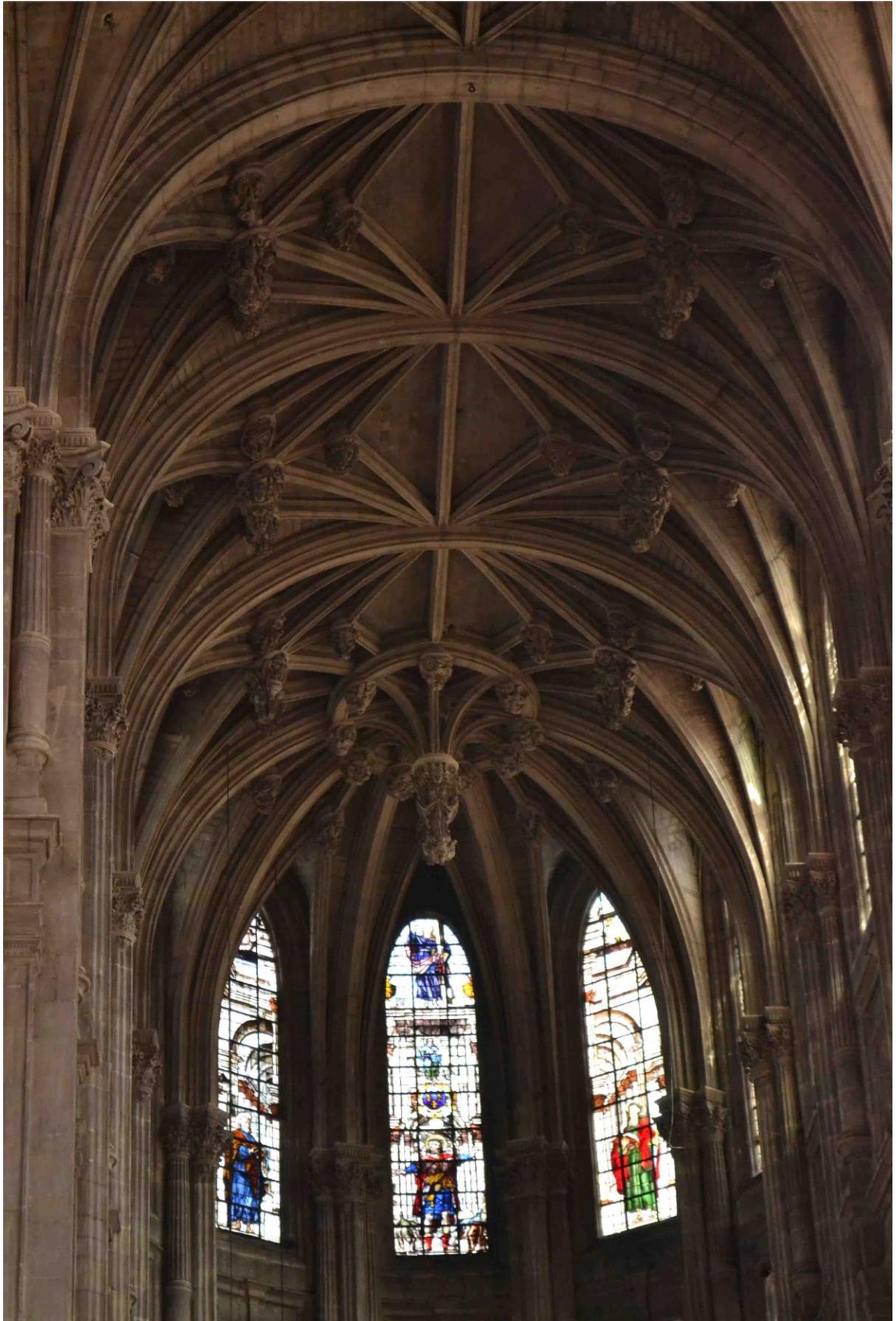
хотя повсюду, кроме хора, применены полуциркульные арки.

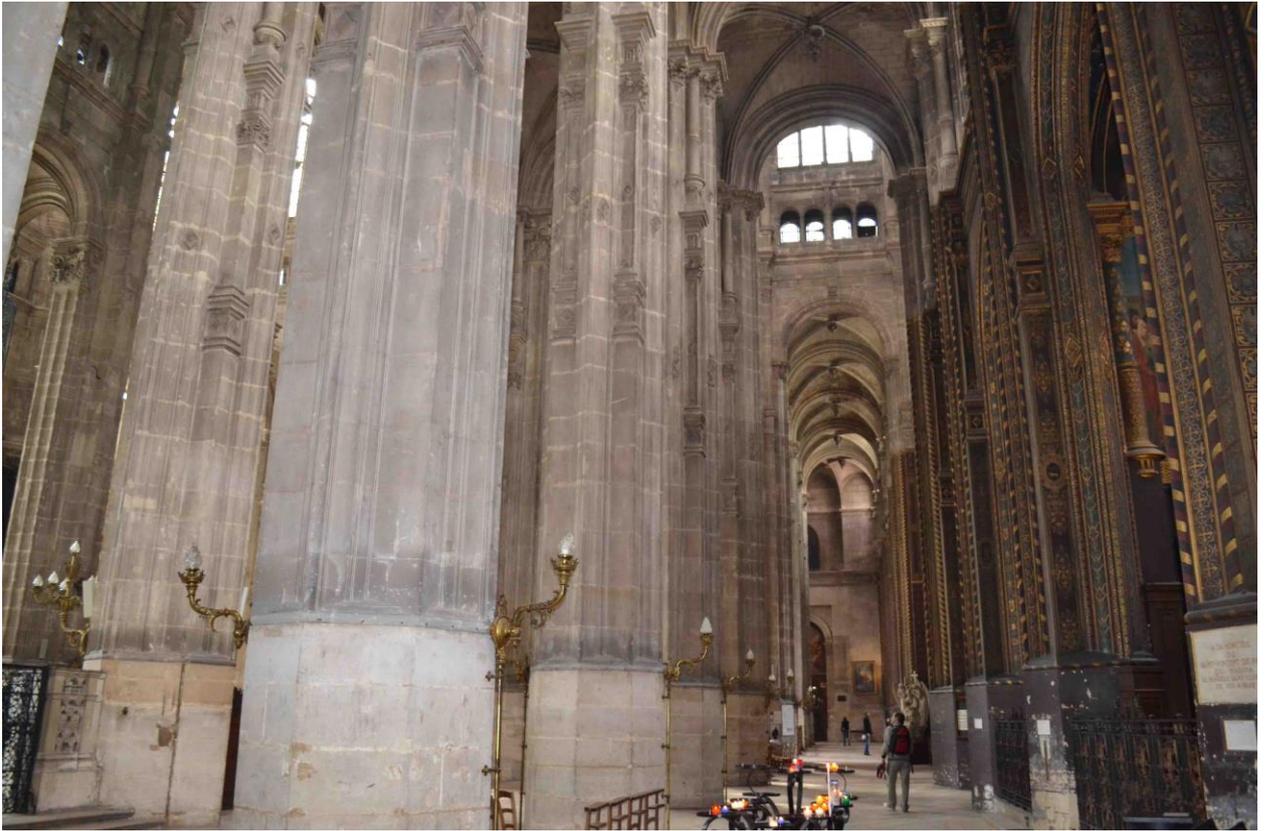

Отдельные формы, однако, сплошь заимствованы у ренессанса. Расчленение пилястрами поэтому оригинально и ясно, но больше говорит нашему уму, чем чувству». На мой взгляд, это смешение стилей применено так тонко, что породило не уродца, а новую гармонию. В общем, это действительно красиво! Впрочем, и К Верман замечает, что, «несмотря на смешанный стиль, вся постройка необыкновенно законченна».

Обратите внимание на масштаб: внутреннее пространство кажется, как нигде высоченным и просторным, хотя снаружи здание не поражает размерами:

Внутри среди прочего – скульптура Жана Батиста Пигаля (1714 – 1785): «Натуральная жизнь искусственная оживленность, непосредственное восприятие и изысканная намеренность сочетаются в его искусстве. Удивительно натурально он умеет передавать нежную жизнь поверхности кожи, некоторые мотивы движений в его произведениях шаловливо отражают дух времени. ...Самые прекрасные мадонны его, с несколько внешним оживлением, украшают церкви Сен-Эташ и Сен-Сюльпис»:

Эта церковь, хоть и является рыночной по своему назначению, из-за своей красоты, вероятно, всегда была очень «престижной» и популярной, особенно у интеллектуальной элиты. Здесь крестили Мольера и мадам Помпадур, отпевали Мольера, Лафонтена, Мирабо и, кстати, мать Моцарта. Здесь погребен Рамо. А еще она славится своим органом, самым большим в Париже - 8000 труб. На нем играли Лист (есть его бюст работы Гудона) и Берлиоз.

Вот на это мы и купились, послушав «Ноту странствий» на радио «Орфей», тем более, что концерт был бесплатный, правда, из трех композиторов я знал только Шумана, и еще удивился, что он, оказывается, писал для органа.

Впрочем, до Шумана мы не дожили... Во-первых, Сан-Эташ должен был быть точкой randеву с Женей, который в этот день отправился в свободное плавание по Парижу, но милостиво согласился с нами встретиться и откушать сначала музыки, а потом и фольклорной еды в соседственном кабаке под названием «У свиной ножки», но по обыкновению маленько припоздал (больше, чем на час), и в собор на концерт мы и так зашли уже на взводе, а там... Мы так и не поняли, те звуки, которые мы услышали – это органист так регистры проверял или это уже была музыка? Второй фрагмент оказался не лучше – такое впечатление, что вдарили сразу по всем регистрам, а на одном мануале чем-то слегка свиристыят... Мы вышли с этого концерта минут через 7 после его начала и были далеко не первыми, кто так поступил. Настроение совсем упало – во-первых, непонятно было, где теперь искать свое великовозрастное чадо, а, во-вторых, так круто накололи с концертом. (Вот чем оборачиваются бесплатные удовольствия... Видимо, штатный органист, играющий ежедневно прелюдии Баха, таким образом «отрывается» раз в неделю... А в аббатстве Ключни в этот вечер был концерт с прелестной барочной программой, но – задорого!).

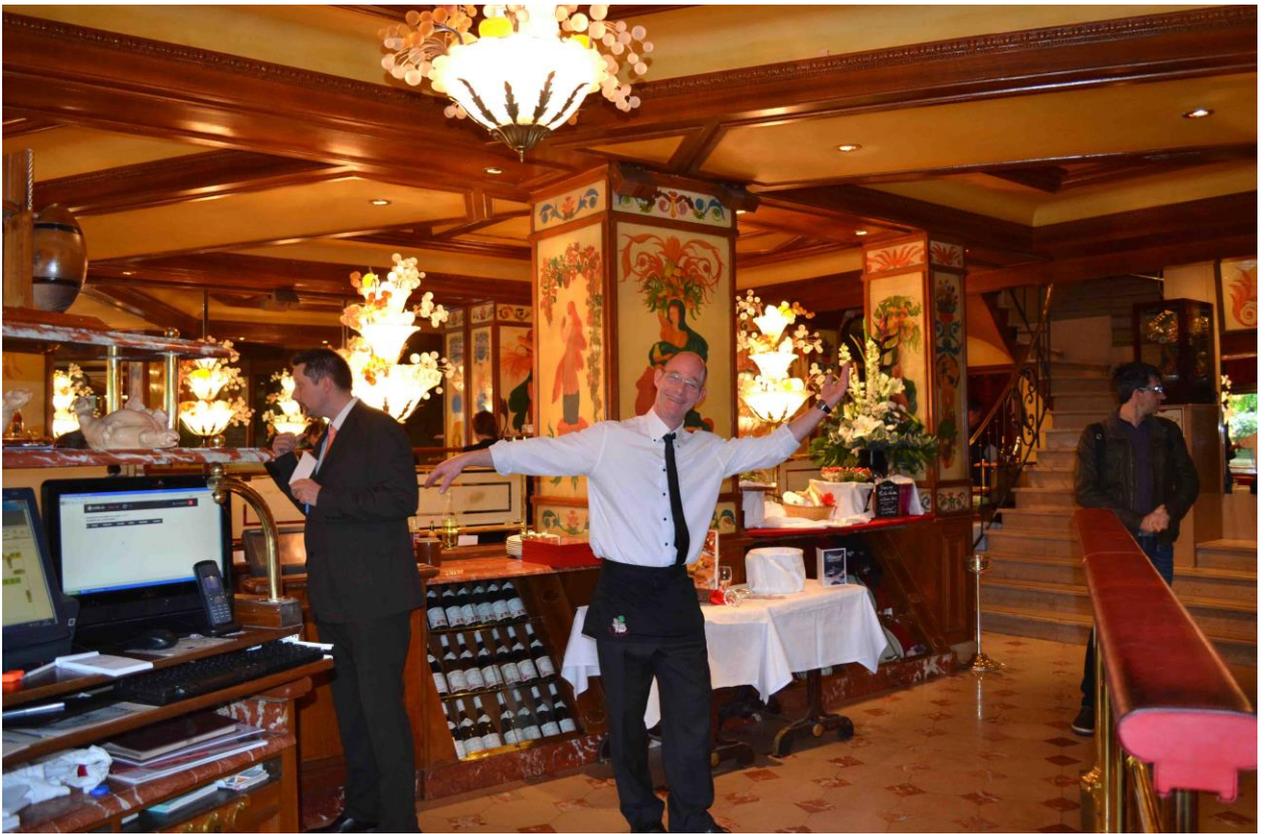
Есть и так не хотелось, а тут аппетит пропал совсем. И тут, когда мы уже совсем было миновали «Свиную ножку» нас окликнул Женечка, который, оказывается все таки добрал сюда и уже пьет в заведении пиво. Мы к нему присоединились и решили распробовать местные специалитеты: пресловутый луковый суп и фирменное блюдо – «Свиную ногу». Суп я когда-то в Лондоне пробовал из банки, и том случае он оказался именно супом из банки – таким же убожеством, как суп из бычьих хвостов, только в последнем было до черта томата. Этот был, и вправду, луковый, но не сказать, чтобы какого-то особенно небесного вкуса, однако, у него внутри, помимо луковой жижи, была еще какая-то вермишель с сыром, и получилось, по крайней мере, довольно сытно.

С пресловутой «ногой» получилось хуже – эти хитрые галлы не объяснили, что «ножка», это именно то, из чего у нас делают «холодец из свиных ножек», то бишь

голень с копытом, в которых мышц практически нет, а только какие-то хрящики, сало да шкурка, вся эта композиция, тем не менее, стоила больше, чем в итальянских ресторанах нам обходился здоровенный кусок мяса. Вот Танька говорит – что это такой специалитет ресторана на месте бывшего «чрева Парижа», который лопала тутошняя беднота, а теперь ресторан заколачивает хорошие деньги на бросовом сырье и репутации «фирменного блюда». И ведь могут, если захотят – и в Версале, и последний вечер в Париже, корм был и обилен, и вкусен. К последнему вечеру я еще вернусь.

Каюсь, это второе разочарование – тоже моя вина. Я выбрала этот ресторан для ужина не только потому, что он удобно находится напротив Сен-Эсташ, конечной точки нашего маршрута, но и чтобы отведать блюда чисто французской кухни, о которой столько наслышаны. Кто ж знал, что парижане здесь не едят! О чем говорит хотя бы тот факт, что это единственное место в Париже, где меню дублируется на английском языке. А также – на русском! Впрочем, ресторанчик очень уютный и с террасой с видом на Биржу, и, если не брать, свиную ногу, может быть, и в нем можно было бы прекрасно поесть.

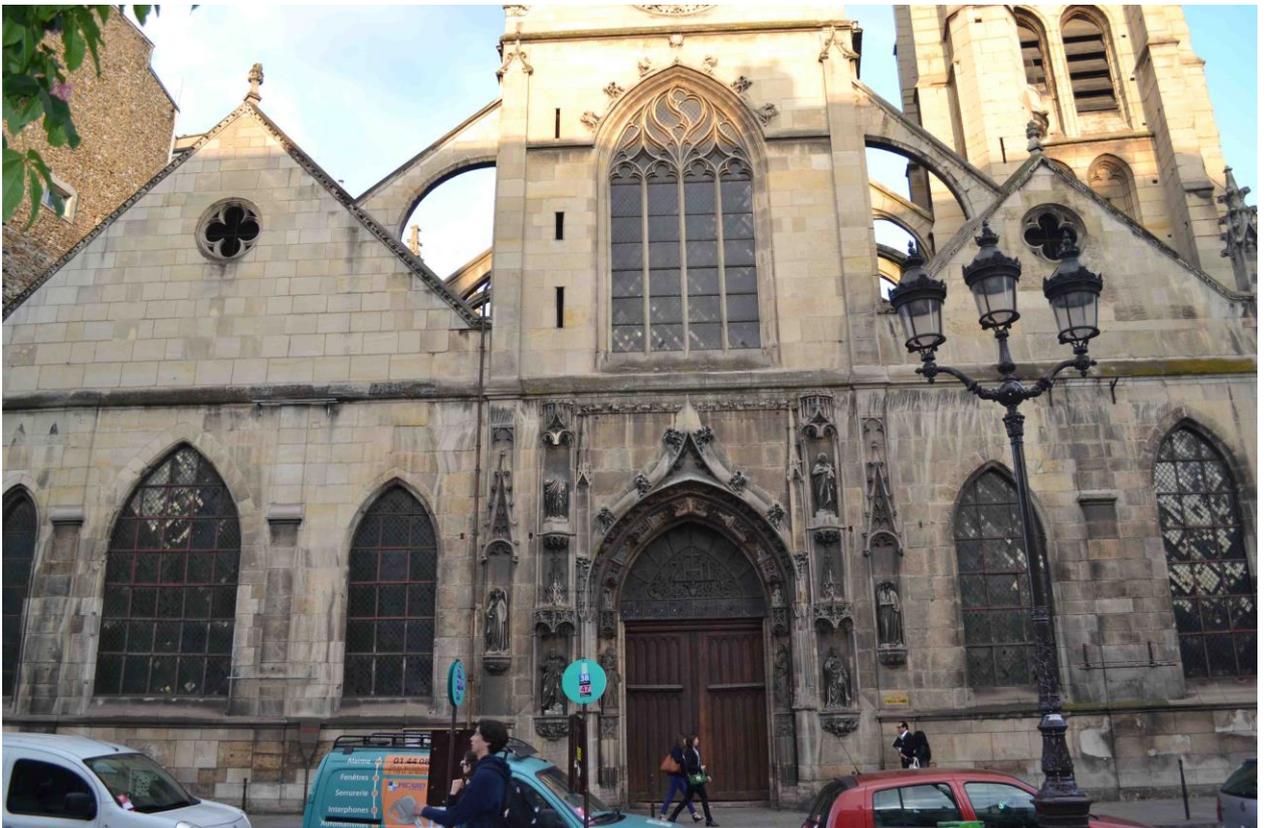
Это был очень длинный день. И даже после ужина, когда все запланированное было исчерпано, он еще не кончился. Было светло, и ехать в гостиницу не хотелось. Я снова предложила послушать шансон – недалеко на улице Аве Мария устраивались бесплатные концерты. Но идею мои спутники не поддержали, рассудив, что бесплатных концертов на сегодня достаточно. Решили, как и вчера, просто прогуляться до той станции метро, с которой не надо будет делать много пересадок. Но не тут-то было: Париж продолжал удивлять.

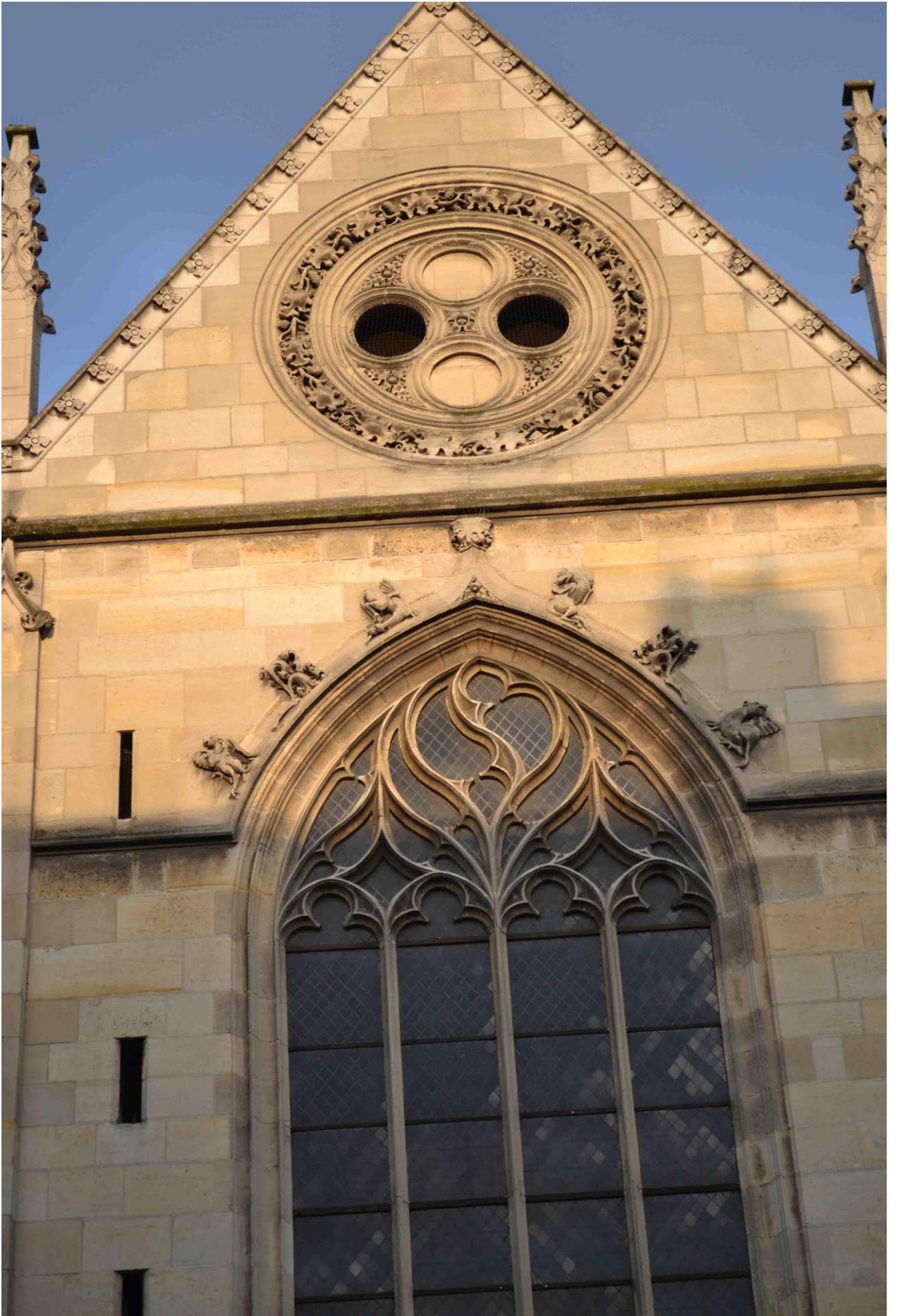
Улица Этьен Марсель предъявила нам развалины первой парижской городской стены и башня Бесстрашного Жана (Tour Jean Sans Peur), единственное военное сооружение Парижа, дошедшее до нас из Средних веков (построена в 1408 г. как часть дворца герцога Иоанна Бесстрашного). Башня выглядит такой свежей, что не кажется настоящей. Потом прошли немного по широкой проезжей улице под названием Севастопольский бульвар и слева, на улице Реомюр, увидели, что вся ее правая (от нас) сторона почти сплошь застроена прекрасными готическими и ренессансными зданиями! А начинается ряд изумительной церковью Сен-Никола-де-Шан (де-Шан означает «в полях», как, впрочем, и «де-Пре». Это потому, что построена за городской стеной).

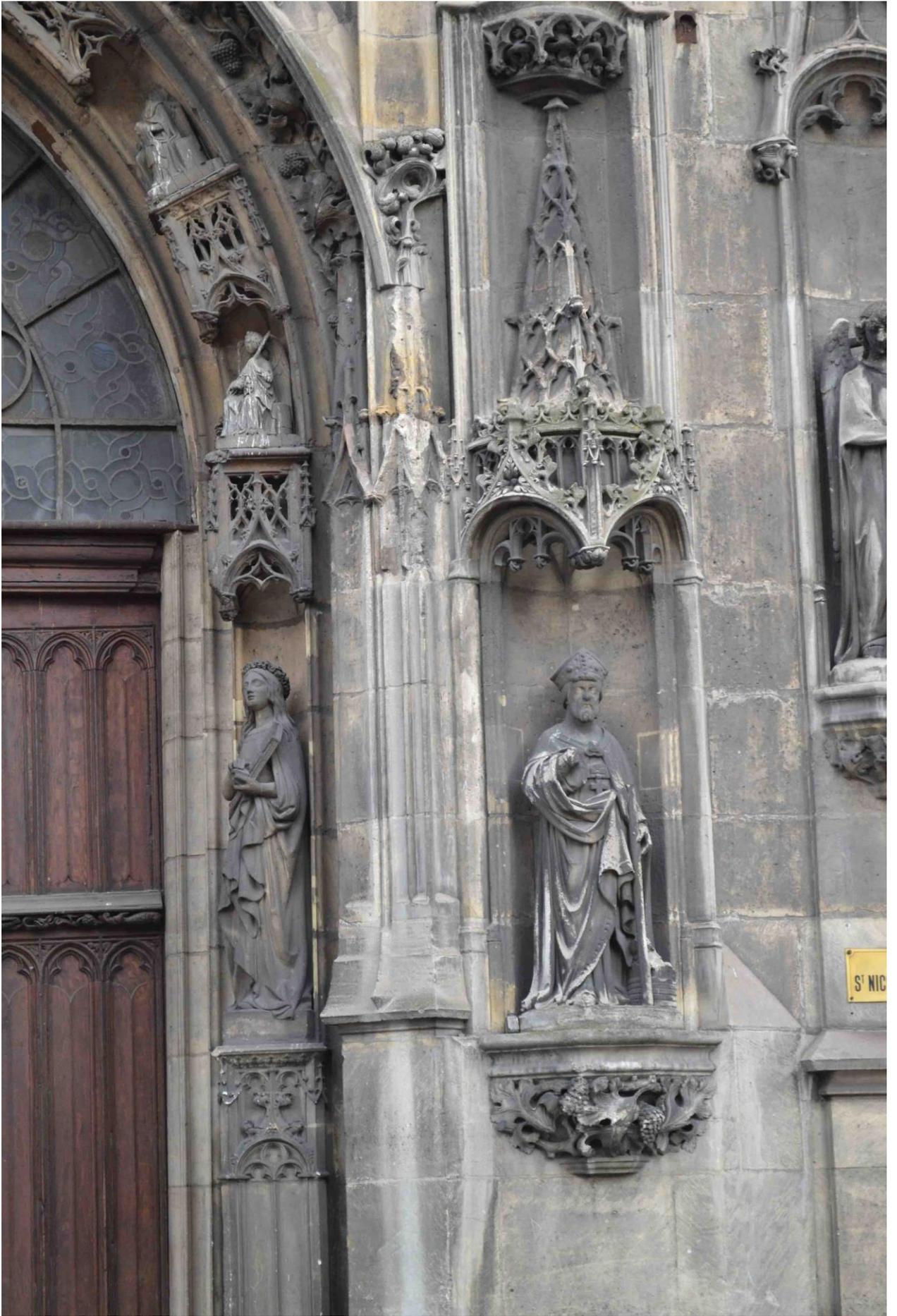

По отношению к ней слово «изумительная» следует понимать в буквальном смысле – настолько она необычна: состоит из множества корпусов и несет следы разных эпох, т.к. строилась и перестраивалась с XII по XVII вв. Тут и романские черты, роднящие ее с соседней Сен-Мартен-де-Шан, ранняя готика, и «пламенеющий» стиль с самым изысканным рисунком каменной резьбы:

Внутри мы уже не попали, т.е. в этот поздний час она была закрыта, но отличные фото интерьера есть на сайте http://users.livejournal.com/_moonlight_/132790.html. Просто удивительно, что такой шедевр нигде в путеводителях не упоминается!

А дальше, через маленькую улочку, - огромный комплекс зданий, в котором с XI в. и до революции (этой самой, Великой французской) располагалось аббатство под управлением ордена Клюни. Говорят, оно было аналогом аббатства Сен-Жермен по эту сторону Сены – как по территории и могуществу, так и по учености и наукам. Что косвенно подтвердилось самым неожиданным образом. Но сначала – о церкви.

Окруженная ренессансными зданиями, в глубине двора стоит церковь Сен-Мартен-де-Шан, которую я не включила в маршрут только потому, что она находится несколько в стороне, и я не надеялась успеть сюда добраться. Повторюсь, здесь все близко!

Она построена по повелению Генриха I в 1059 – 1060 гг. (представляете, всего за 2 года!) на месте старой церкви эпохи Меровингов, якобы разрушенной норманнами. Это – самая ранняя церковь переходного – от романского к готическому – стиля в Париже! Один из тех прототипов, насмотревшись которых аббат Сюжер изобрел новый архитектурный принцип. Никаких аркутанов здесь нет и в помине, а завершения окон изначально были полуциркульными. Новизна заключалась в стрельчатой форме арок, имеющих конструктивное значение. Сюжер, наверно, один из первых понял, какой мощный потенциал имеет такая конструкция по сравнению с полуциркульной аркой, и использовал его по максимуму.

В период расцвета готики, разумеется, окна западного фасада были переделаны в стрельчатые и заполнены великолепной резьбой, но общие очертания фасада с гладким треугольным фронтоном и небольшой розой, согласитесь, сближают ее скорее с романскими или так называемыми готическими итальянскими храмами, чем с настоящей готикой Сен-Шапель, Сен-Дени или даже Нотр-Дам.

А дальше по улице тянутся одноэтажные (но с мансардами!) корпуса бывшего аббатства, построенные, вероятно, в XVI или XVII в., ограждающие еще один двор с великолепным барочным зданием, которое мы разглядели сквозь запертые ворота шикарного портала:

У всего этого комплекса – необычная судьба: он не был разгромлен и уничтожен, как это произошло с Сен-Жермен. В 1794 г. аббат Анри Грегуар, понимая, какая угроза нависла над аббатством, чтобы спасти древние постройки и накопленные научные ценности, поступает религиозными принципами (вот молодец! И какой находчивый!)

Он «предлагает Национальному конвенту проект создания Консерватории искусств и ремёсел, целью которого станет «изучение и сохранение машин и инструментов, чертежей, и моделей, книг и различной документации всех существующих искусств и ремёсел». Утверждённая Конвентом Консерватория немедленно становится новой хозяйкой множества конфискованных во время революции частных технических коллекций». И при этом как-то так получилось, что никакого другого помещения для этой Консерватории кроме церкви Сен-Мартен-де-Шан найти не удалось (во всем Париже). Так что церковь, хоть и потеряла свою религиозную ориентацию, все же сохранилась и даже была отремонтирована революционным правительством! Высокий класс!

Идея оказалась исключительно плодотворной. Пожалуй, это единственное революционное создание, пережившее свое время и дожившее до нашего. Ибо здесь и по сей день существует – самый старый в Европе – Музей искусств и ремесел, знакомящий посетителей с техническими достижениями. Причем – с самого своего открытия – в самой совершенной интерактивной форме: все можно потрогать и использовать по назначению. И тут же объяснят в наглядной форме действие физических законов. Маятник Фуко, например, тоже здесь висит. Экспозиция обновляется со временем, но и старые достижения сохранены, так что музей настолько разросся, что вышел за пределы церкви и занимает всю обширную территорию аббатства.

Мудрый человек был Анри Грегуар, и с науками был знаком. Я бы ему памятник поставила! Хоть и аббат...

А мы идем дальше, и снова мелькают ренессансные здания с яркими готическими вкраплениями...

Но солнце уже село, да и мы выдохлись. Так что нырнули в метро, где стояли, и поехали домой.